

УДК 002.704.2

ОСОБЕННОСТИ СТЕННОЙ ПЕЧАТИ В 1920-е гг. ТАМБОВСКИЕ СТЕНГАЗЕТЫ

© Антон Григорьевич ВЕСЕЛОВСКИЙ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация, аспирант, кафедра журналистики и издательского дела,
e-mail: vesant84@mail.ru

Исследуются особенности стеной печати 1920-х гг. как вид активного самодеятельного творчества. Объектом внимания стали содержание и оформление стенгазет, ответы на критические материалы, внедрение прогрессивных форм в работе редакционной коллегии. Анализируются формы и методы партийного руководства стеной печатью, а также со стороны газеты «Тамбовская рабселькория».

Ключевые слова: партийное руководство печатью; стенные газеты; стенкоры; рабселькоры; критические заметки; антирелигиозная пропаганда, классовый подход.

Если посмотреть записи в конспектах студентов факультетов журналистики 1960–1980-х гг. или слушателей университетов марксизма-ленинизма, сделанных ими при изучении темы «Типы газет», можно увидеть обычную схему: вверху центральные издания, далее областные и районные, а в нижней части этой пирамиды значились многотиражки и стенгазеты. То есть разрисованный лист ватмана официально тоже считался средством массовой информации. В те годы это многих удивляло – ведь к концу XX в. стенная печать как таковая не существовала, рукописные газеты превратились в праздничные и поздравительные плакаты, а попытки воссоздать всякие сатирические «Колочки» и «Ежи» обычно не шли дальше первого-второго номера. Аналогичная картина сохранилась по сей день во многих школах и вузах. А стенгазеты на предприятиях и в учреждениях, как правило, уже не выпускаются.

Но в далекие двадцатые стенная печать была грозным идеологическим оружием, и заметки в ней по накалу страстей зачастую не уступали материалам губернских (окружных) и уездных (районных) газет. Критические материалы стенгазет имели почти тот же вес, что и «сигналы», напечатанные в периодике. Приклеенный к ватману кусочек бумаги с перечнем недостатков мог стать основой для назначения серьезной проверки, а в дальнейшем и судебного разбирательства. «Заметки, сообщающие о фактах, требующих проверки, выяснения или заключения, посылаются в соответствующие органы» [1]. Это правило относилось не только к «большой», но и к стеной печати. Хотя такие проверки

проводились только по серьезным делам, более мелкие вопросы нужно было решать внутри коллектива. Поэтому действенность стенкоровской критики во многом зависела от того, чьим органом была эта газета.

Стенгазеты выходили на заводах, фабриках, в мастерских, артелях, в сельских и лесных хозяйствах, где работало более полутора-двух десятков человек, а соответственно были свои комсомольские и партийные ячейки при общественных организациях, в школах, техникумах, вузах, больницах при воинских частях и даже в местах заключения. По территориальному признаку стенгазеты рекомендовали выпускать только в селах, общегородские не приветствовались, даже если городок по количеству населения был небольшим. Так, в 1927 г. Кирсанове уком ВКП(б) решил создать общегородское бюро рабкоров и выпустить городскую стенгазету. В «Тамбовской рабселькории» (приложению к «Тамбовской правде» и «Тамбовскому крестьянину») этим товарищам напомнили, что «комитеты партии, согласно партийных директив, не должны непосредственно руководить рабселькоровским движением», к тому же, по опыту губернских газет, рабкоровские бюро вообще «нежизненны». Столь же «нежизненной» считали журналисты и общегородскую стенную печать, разъясняя, что такие газеты должны создаваться в конкретных производственных и прочих коллективах [2].

Тем не менее, в самих коллективах партийный надзор за стеной печатью был обязательным. «Работа над стеной газетой в предприятии должна вестись при всемерном содействии и под руководством партячеек и

комсомола с привлечением организаций работников», – отмечалось в постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) «О стенных газетах» [3, с. 325]. Но были две оговорки: во-первых, партийная первичка должна была осуществлять общее руководство, но не цензуру, во-вторых, все, что касалось стенной печати, должно было обсуждаться внутри коллектива без привлечения вышестоящих партийных или профсоюзных организаций. Об этом говорилось и на Первом Всесоюзном совещании рабочих корреспондентов (ноябрь 1923 г.). Его резолюция о стенных газетах гласила: «Совещание считает совершенно недопустимым цензуру или какой-либо предварительный просмотр, а также в какой бы то ни было стеснительной форме руководство стенгазетами со стороны стоящих над заводами партийных или профсоюзных организаций. Такого же мнения держимся мы и относительно деревенских газет» [4]. О руководстве без цензуры говорилось и в постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) «О рабселькоровском движении», вышедшем в июне 1925 г.: «Партийное руководство и политическая воспитательная работа среди рабкоров... ведется партячейкой, однако... никоим образом не должно выливаться в формы мелочной опеки над рабкорами, цензуры их заметок, противодействия деловой, критической работы рабкоров и т. д.» [5, с. 341]. Но это требование постоянно нарушалось. «Тамбовская рабселькория» рассказывала о том, как Коптевский волком постановил: «Все заметки об отрицательных действиях общественных работников строго проверять и доводить до сведения следственных органов... заметки о партийцах и комсомольцах предварительно согласовывать с волкомами ВКП(б) и ВЛКСМ». Хотя партийная цензура тогда и существовала, но ее нельзя было проводить так прямолинейно. «Тамбовская рабселькория» приводит слова М. Ульяновой и присоединяется к ее мнению, что подобные методы контроля будут мешать самостоятельности рабселькоров и отпугивать их от участия в газете [6].

Ощутить, где проходит грань между декларированной свободой слова и необходимостью партийного-идеологического «урегулирования», не удавалось и многим ответственным товарищам. Яркий пример этому – статья «История уваровской газеты» [7]. Уваро-

во тогда еще было селом, и когда туда приехал из города инструктор укома ВКП(б), его слова приняли за руководство к действию. Он требовал, чтобы стенгазета отныне считалась органом какого-нибудь коллектива, а не общесельской (хотя именно в селах и деревнях можно было выпускать территориальные стенновки). А редколлегию, по его мнению, должен был назначать волком партии, что являлось прямым нарушением. В результате была распущена редколлегия процветающей, регулярно выходившей стенгазеты, а новую создать так и не удалось, поскольку все рекомендации того проверяющего оказались полнейшей отсебятиной, он плохо представлял себе эту работу.

Таким образом, закон предоставлял стенкорам относительную свободу действий. Но любой начальник всегда болезненно воспринимал критику в свой адрес, поэтому расправы над такими корреспондентами были обычным явлением. «Тамбовская рабселькория», «Тамбовская правда» и другие газеты нередко рассказывали о том, как начальство воюет с газетами и стенкорами. Так, нарсудья Косов из села Саюкина собственноручно перечеркивал красным карандашом задевающие его заметки. Селькор *Зоркий* возмущенно комментирует это: «Нарсудья призван осуществлять революционную законность, а Косова впору хоть самого обучать советским законам, так как он их, видимо, не знает» [7]. Руководство Липецкого УОНО (уездного отдела народного образования) после критических материалов уволило с работы учителей – членов редколлегии газеты «Липецкий просвещенец» [7]. Тяжело пришлось и детям-юнкарам из интерната при Тамбовской железнодорожной школе-семилетке, заведующий учебным заведением постоянно грозил ребятам, к тому же распорядился не давать им обеды [8]. Не только этими действиями, но даже тем, что разглашал имена авторов заметок, руководитель уже нарушал законы и мог за это ответить. Но помог ли тогда кто-нибудь бесправным подросткам, осталось неизвестным.

Еще хуже было тем, кто выпускал стенгазеты в местах лишения свободы. В тамбовских газетах о таком виде стенной печати упоминалось очень редко. Вот заметка из «Тамбовской рабселькории» под заголовком «Душит».

«При Моршанском д/заке выпускается газета «Голос заключенного». Перед выпуском газеты начальник домзака проверяет все заметки. Заметки, касающиеся администрации, он не разрешает печатать. Бывает и так. Начальник пересоставляет заметку. 0/395» [9].

Приведенные цифры – не псевдоним, а, скорее всего, реальный номер заключенного, и тюремной администрации, по-видимому, не стоило труда разыскать автора «сигнала». Если так, то можно только пожалеть этого человека...

В то же время именно по стенной печати всевозможные комиссии и «уполномоченные» судили о социальной (революционной) активности членов трудового коллектива, о воспитательной работе, о состоянии критики и самокритики и т. д. Поэтому наиболее умные руководители старались не ссориться со стенкорами, а наоборот, помогать им. Самым трудным для членов редколлегий было не столько выпустить очередной номер, сколько добиться от критикуемых ответов на заметки (официальные объяснения и сообщения об исправленных недостатках требовалось обязательно помещать в стенгазете). В «Тамбовской правде» и «Тамбовской рабселькории» приводится масса примеров, когда объекты критики просто отмалчивались. И самым простым способом своевременно получать ответы на критические выступления стенгазет оказались... приказы директоров по этому поводу. Руководители Моршанской табачной фабрики и некоего «энского завода» (видимо, засекреченного) издали такие приказы, обязывающие всех начальников подразделений сразу реагировать на материалы, и самая тяжелая проблема стенкоров быстро решилась (заметки «Приказ подействовал хорошо» и «Приказом по молчальникам») [9].

Но такие приказы отдавали начальники далеко не во всех коллективах, поэтому стенкору нужно было самим выбивать ответы. При этом приходилось проявлять изобретательность. В статье «Вниманию РКИ» рассказывается, что на Тамбовском мукомольном заводе дирекция корреспондентов не поддерживала, и, чтобы добиться таких ответов, они решили действовать при помощи новой формы – «агитсуда над газетой». Провели его вместе с завкомом, рабочие-«судьи» в своем заключении «приговорили» администрацию отвечать на заметки [9]. Хо-

тя такой суд не был выдумкой мукомолов, в постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) «О стенных газетах» отмечалось: «Особое значение для стенгазет имеет устройство выставок, судов, критические отзывы о стенгазетах в местных газетах» [3].

Стенкоры быстро освоили эту полушутливо-полусерьезную форму воздействия и проводили суды не только над своей газетой или администрацией, но и над всевозможными мелкими нарушителями, а также необычные «конкурсы». Так, газета «Голос рабочего» (тоже энского завода, возможно, того же самого) устроила конкурс на «лучшего матершинника», победителю «дано будет удостоверение на право выхода из всех организаций и кружков на все четыре стороны. Побивший рекорд будет после смерти анатомирован и отправлен в музей редкостей СССР» [10]. «Тамбовская рабселькория» предлагала продолжить такое начинание и устраивать в стенновках конкурсы и смотры на «лучшего бюрократа», «лучшего пьяницу» и пр.

Особенности оформления и содержания стенгазет первого послереволюционного десятилетия

Если бы перенести в 1920-е гг. стенгазету последних десятилетий XX в., ее вообще бы не назвали газетой, прежде всего, потому что в то время одним из основных требований к каждому номеру было информационное разнообразие и насыщенность (исключение составляли лишь сатирические спецвыпуски, посвященные какой-то конкретной теме, которые, как правило, назывались не газетой, а листком). Вот требования к содержанию стенной печати, которые были изложены в постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) «О стенных газетах», которое вышло в декабре 1924 г.:

«В стенгазетах необходимо помещать статьи на темы, тесно связанные с положением предприятия, деятельностью его... Статьи должны быть кратки, доступны массовому читателю. Стенгазета не должна удовлетворяться помещением только разоблачительных заметок и заметок о недостатках... Необходимо выявлять и причины недостатков, давать предложения о способах устранения таковых, выявлять все новое и хорошее. Общие кампании должны освещаться в стенгазете в разрезе интересов и задач данного

предприятия. Освещение революционных юбилеев должно по возможности связываться с жизнью предприятия, причем необходимо всячески избегать общеполитических обзоров и статей. В юбилейных номерах стенгазет, кроме юбилейного материала, должно быть отведено место и текущему материалу» [3].

Исходя из этих требований, соответствующие рекомендации давали и тамбовские газеты. Особенно много занималась вопросами стенной печати «Тамбовская рабселькория», на ее страницах печатались не только перечни тем, которые стоило освещать, но и подробно объяснялось, как должен выглядеть очередной номер стенновки в свете последних событий: «...Отдел, посвященный годовщине, не должен быть настолько маленьким, чтобы потеряться в общей массе обычного стенгазетного материала, но не должен быть и настолько большим, чтобы заполнить собой всю газету, ибо тогда получится специальный номер, а выпускать специальные номера мы не рекомендуем». «Поменьше больших статей, побольше мелких, ярких заметок, побольше рисунков и красочных заголовков» [11]. Перед Днем печати «Тамбовская рабселькория» объясняла, каким следует быть специальному выпуску, посвященному этому празднику. В нем обязательно должны присутствовать: 1) передовица «Что дала стенгазета» с годовым отчетом работы стенкоров; 2) история данной стенгазеты; 3) заметки о том, как газета способствует улучшению производства и работы общественных организаций; 4) как «стенгазета воспитывает общественника»; 5) что сделано по критическим замечкам, какие меры приняты (этот раздел советуют давать с рисунками, диаграммами и т. д.); 6) рассказ о работе кружка рабкоров (селькоров); 7) сообщения о преследовании стенкоров (если такое наблюдается); 8) подборка отзывов читателей о стенгазете [12].

Не столь подробны, но тоже тематически однообразны и идеологически выдержаны в этом номере рекомендации к подготовке первомайских номеров в статье «1-е мая и стенгазета». Здесь в первую очередь предлагается говорить про «международное значение этого дня и празднование его за рубежом» [12]. Но вот как можно было увязывать этот вопрос с «такими явлениями некультур-

ности, как пьянство, религиозность, ругань, грязь, разгильдяйство» и т. д., нынешним даже очень опытным журналистам довольно трудно себе представить. А ведь эта задача ложилась на плечи не очень-то грамотных стенкоров, которых старались набирать «от станка» и «от сохи»...

Об оформлении стенгазет, их содержании и, как сейчас бы сказали, формате заметок, а также организации работы редколлекции постоянно рассказывала «Тамбовская правда». А когда начало выходить специальное издание «Тамбовская рабселькория», в нем проблемам стенновок уже уделялось от одной полосы до половины почти каждого номера.

Даже там, где просто предлагались темы заметок, которые рабселькоры могли писать для любых газет, «Тамбовская рабселькория» нередко добавляла распоряжения вроде: «Все указанные нами темы в отделе «О чем писать?» необходимо использовать стенным газетам в очередных номерах». Еще чаще упоминались стенгазеты в передовицах, многие из этих статей были специально посвящены стенной печати: «Стенгазеты и 10-ая годовщина РККА» [11], «День 8-го марта и стенгазеты», [13], «Стенгазета и посевная кампания» [14], «Рабкор, селькор, стенные газеты и 2-й заем индустриализации» [15]. Такое внимание к стенновкам не случайно, ведь они не только считались начальным звеном или, по определению «Тамбовской рабселькории», «нижним этажом» единой системы печати нашей страны, но именно в стеннорах редакции видели резерв для пополнения отряда внештатных помощников губернских и уездных газет. Из них профессиональные журналисты старались вырастить для себя достойную смену.

Об отношении центральной газеты Тамбовщины к своим стенным собратьям красноречиво говорит рисунок, помещенный в праздничном номере «Тамбовской рабселькории», посвященном Дню печати и 10-летию юбилею «Тамбовской правды» (ее десятилетие почему-то отмечалось в 1928 г., т. е. отсчет возраста «Тамбовской правды» вели с 1918 г., хотя сейчас днем рождения этого издания считается 3 апреля 1917 г.). Газета-именинница была изображена в виде матери, ведущей за ручки толпу детишек-стенгазет.

В этом номере «Тамбовской рабселькории» приводятся данные, что «лишь по трем уездам насчитывается 790 стенгазет, из них в деревне – 294. Если допустить, что в каждой стенгазете активно участвуют 5 человек, то получится, что 3 тыс. 600 рабочих и крестьян через стенгазеты активно помогают партии и соввласти в нашем строительстве» [1]. Для Тамбовской губернии такое количество стенкоров получалось прямо-таки астрономическим. Хотя в любые годы число этих людей на бумаге всегда оказывалось гораздо большим, чем в реальности.

Но в материалах, рассказывающих о результатах труда передовых стенкоров, фактам приходится верить. Заметка «Одна из лучших деревенских» рассказывает, что к этому времени в Бондарях уже пять лет выпускается «Смычка», которую делают очень решительные и серьезные сельские корреспонденты.

«В течение 1926 года в «Смычку» поступило 762 заметки, из них 43 пошли на расследования. За пьянство и халатное отношение к делу по заметкам снят с работы Коровинский председатель с/совета, уволен со службы милиционер.

Выявлены факты пропоя общественной земли, растрата денег, собранных в счет сельхозналога и др. «Смычка» защитила многих батраков и пастухов от кулацкой кабалы. Сейчас 75 % крестьян этого села перешли на шестиполье, побужденные «Смычкой».

В 1926–1927 гг. «Смычка» на уездных выставках стенных газет берет первую премию. В 1927 г. на Всесоюзном конкурсе в Москве «Смычка» вновь берет премию. В настоящее время «Смычку» знают все крестьяне волости» [1].

Но, пожалуй, самой интересной для историка, пытающегося разобраться во взаимоотношениях людей тех сложных времен, окажется в том же номере заметка «Батрацкая стенная». Да, газеты тогда выпускались не только по территориальному принципу, по принадлежности их к конкретному коллективу или общественной организации, но и по принципу классового подхода. Кстати, существовала выходящая в Тамбове газета «Батрак», так что в рождении «батрацкой» стенгазеты «Наш голос» – органа членов профсоюза СХЛР Пригородной волости» идеологи не видели ничего особенного. Пер-

вые номера, что вышли в 1926 г., по признанию автора заметки Трегуляевского, «невзрачны были», потому что их выпускали «преимущественно лесные служащие» [1].

«Решено было привлечь к участию больше батрачества и пастушества... Приток новых сил сделал возможным увеличить содержание газеты и увеличить количество ее экземпляров с 7 до 10, т. е. по числу низовых профячеек. Рабселькоров стало 60 человек, в том числе 8 батрачек. Так «Наш голос» из органа лесных служащих превратился в подлинный голос деревенских пролетариев-батраков и пастухов» [1].

Стенкоры-пастухи, по словам автора, оказались не только активными, но и неожиданно грамотными в отношении трудового законодательства, и их газета вместе с волкомом (волостным комитетом, только вот профсоюза или ВКП(б) – неизвестно) встала «на защиту труда и быта батрака и пастуха. Благодаря «Нашему голосу» были приняты меры о новом порядке клеймения леса... В Бокинском лесничестве 3 лесника были переведены в другой объезд за халатное отношение к охране леса. Многие батраки и пастухи получили заработок от прижимистых нанимателей, благодаря стенгазете, которая не останавливалась и даже перед передачей некоторых кулаков в суд (по заметкам). Мало ли писалось о художествах зав. совхоза Губсовбольницы Пантелеева в «Тамбовская Правда». «Наш голос» повлиял на волком СХЛР, чтобы добиться его снятия – и сняли» [1].

Дальше идет подробное перечисление мелких неприятностей, с которыми сталкиваются стенгазетчики, вроде губотделовской печатной машинки, на которой раньше разрешали печатать заметки, а теперь нет. Просят они и о возвращении батракам их клуба в бывшем Трегуляевском монастыре. Рядом с перечислениями побед этих стенкоров такие жалобы звучат как-то неубедительно: если у людей хватило сил и упорства, чтобы завести судебные дела и снимать руководителей, странно, что для них представляло проблему решить вопрос с доступом корреспондентов к печатной машинке.

Еще более мелкими выглядят два «сигнала» о том, как администрации Грязинского известкового и Тамбовского спиртового заводов не реагируют на критику своих стенга-

зет. В заметке «Не слышат голоса рабочего» автор возмущается, что «аптечка лежит в грязном ящике, бинтов нет, а порезы часто бывают; для питья нет кружек, чай пьют работницы из разбитых бутылок и черепков – губы режут» [1]. Это было в духе того времени: сочинять заметки и рассылать их в газеты разных уровней вместо того, чтобы решить на месте вопрос с аптечкой и посудой. Но тогда бы не было повода для рабкоровского письма.

В заметке «От стены к стеклографу» сообщается о стенгазете «Власть труда», что выпускается в Тамбовских ремонтных мастерских, недавно она по сути дела уже превратилась в многотиражку:

«Большой коллектив рабочих в несколько тысяч трудно обслужить стеной. При помощи самих рабочих мы перешли на стеклограф с тиражом 500 экз. в м-ц (2 номера). Нашу газету рабочий читает в семье.

Фотосекция заканчивает учебу и скоро приступит к практической работе – тогда наша газета «Власть труда» будет с фото-приложением» [1].

Так, по одному номеру уже можно представить, насколько разнообразной была в то время работа стенкоров, как одновременно уживались в ней серьезные и мелкие проблемы, как разнообразны были стенновки по оформлению и содержанию.

С весны 1928 г. «Тамбовская рабселькория» и «Тамбовская правда» стали подробно рассказывать о прогрессивном стенгазетном новшестве – «Ильичевке». Периодические стенгазеты обычно рисовались на листе бумаги, заметки писались от руки или печатались на машинке и намертво приклеивались к газетному полю. Внести в номер что-то новое было уже нельзя. Когда же выходил следующий, газету снимали, отправляли в архив, и читатели ее больше не видели, а редколлегия опять покупала ватман и начинала заново вычерчивать заголовки и рисовать картинки. «Ильичевки» же изготавливались в расчете на более долгую жизнь. Вначале их тоже делали бумажными, только материалы приклеивались за краешек или вкладывались в специальные кармашки, откуда их было легко вынуть и заменить новыми. Потом для основы таких газет стали использовать картон или доску с уже готовым «правильным» рисунком, заголовком и названиями разде-

лов. Для заметок и карикатур стали делать не только кармашки, но и стеклышки, за которые засовывали листки. При такой форме одни материалы можно было быстро менять по ходу поступления свежих заметок, другие же, например, передовицы, призывающие изучать документы очередного съезда, могли висеть достаточно долго, до тех пор, пока оставались актуальными.

Непрерывная газета была более мобильной, не наскучивала – люди постоянно подходили взглянуть, не появилось ли что-то новенькое. К недостаткам ее можно отнести раз и навсегда заданный формат. Редколлегия уже не придумывала верстку, да и вообще могла почти не собираться: кто-то принес заметку, показал ответственному за выпуск, получил одобрение, вставил в нужное окошко и все. Азарт коллективного созидания спадал, а материалы становились все более «зарегулированными», рассчитанными на размер и тематику конкретного окошка. Есть мнение, что именно непрерывки в конце концов загубили стенную печать, как форму народного творчества. Но тогда, в 1920-е гг., это было новшеством в газетной работе, «Ильичевка» везде пропагандировалась и считалась стенгазетой будущего.

Насколько изменялась при переходе к непрерывке жизнь стенкоров, можно понять из заметки «Как мы перешли на «Ильичевку». «Работа редколлегии была невыносимо тяжела – газету в 2 метра длиной необходимо было напечатать на машинке, приходилось бегать и разыскивать человека, который бы мог отпечатать двухметровую громадину. На разрисовку ее теряли по 2–3 дня, приходилось по 2 ночи не спать... Теперь заметки выходят через 3–6 дней после их поступления, заметок устаревших и потерявших интерес не стало, корреспонденций в стенгазету стало поступать больше прежнего. Да и работа редколлегии облегчилась, т. к. заметки печатаются и отрисовываются по мере их поступления» [6]. О сходной ситуации говорится и в статье «Мы – за «Ильичевку». Здесь тоже отмечается, что такая форма в первую очередь облегчает деятельность редколлегий. «Бывало сидишь ночи 2–3 над номером, устанешь, как проклятый – говорит рабкор с. Тулиновки т. Кошелев – трудов-то сколько положишь, а толку мало» [14]. Приведенные здесь слова стенкора нам сейчас

рассказывают не столько о выгодности «Ильичевки», которая избавляла людей от таких бессонных ночей, сколько вообще о тяжелом бесплатном труде сотен и тысяч самодеятельных газетчиков, за который эти люди нередко еще и расплачивались своей карьерой и осложнением отношения с окружающими.

Непрерывные газеты заметно облегчали работу стенкоров, но у них были и свои недостатки. Если обычная стенгазета долго висела и надоедала, то материалы «Ильичевки» менялись так быстро, что многие не успевали их прочитать. К тому же было сложно просмотреть то, что уже «ушло»: если старые номера стенгазет хранились годами, то вынутые из кармашков заметки просто выкидывали. «При «Ильичевке» нужен альбом» – так называется материал рабкора Погорелова, где рассказывается об опыте редколлегии непрерывной стенгазеты «Красный путеец» (неизвестно только, где она выходила). Автор отмечает, что «ильичевки» бывают неудобны слишком частой сменой заметок, и предлагает подшивать копии всех материалов в специальный альбом, нумеровать, проставляя числа. Таким образом, получается общедоступный архив газеты, который может посмотреть любой читатель. Кстати, так удобнее вести учет всего, что вышло за неделю, месяц, год, и на что были ответы или опровержения. Такое вот простое ноу-хау 1920-х гг. [14].

В другом материале, опубликованном в том же номере, тоже рассказывается о непрерывной газете, только авторы называют ее не «Ильичевкой», а «злободневкой». В чем была между ними разница, сейчас уже трудно установить, возможно, просто в разных местах их по-разному называли. По утверждению авторского коллектива (заметка подписана «Кружок рабкоров»), с переходом на непрерывную форму выпуска они избавились от многих проблем, связанных с оформлением и версткой номеров. Интересны цифры, которые здесь приводятся: большинство заметок в стенгазете «Спайка» (выходила она на станции Заметчино) обновляется через каждые три дня, раньше за месяц их получалось 10–15, теперь 27 (данные за февраль 1928 г.) [14]. Сейчас такое было бы под силу только целому штату редакции периодического издания, а ведь стенкоры работали на

общественных началах после трудового дня и ничего за это не получали (гонорары тогда бывали только в губернских газетах).

Интересен еще один аспект роли стенной печати в обществе: возрастание социальной активности простых женщин. Гендерный дисбаланс участников рабселькорского движения был довольно велик: на 10 мужчин-рабкоров, посылающих свои заметки в редакции газет, приходилась примерно одна женщина-раборка. И это в городах, тогда как забитые, нерешительные жительницы села в газеты почти не писали. Но в стенной печати женщины участвовали охотнее. Идеологи быстро обратили на это внимание, и в постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) «О стенных газетах» специально отмечалось «Особенно надо обратить внимание на привлечение к работе в стенгазетах крестьянок» [3]. В «Тамбовской рабселькории» рассказывается о выпущенной к 8 марта газете женщин станции Платоновка. Символично, что в том же номере в статье «Наши достижения и недочеты» есть статистические данные, что на всю огромную губернию из 3 тыс. 154 корреспондентов с газетами сотрудничают всего 160 рабселькорок (видимо, имеется в виду периодическая печать, но и в стенной их процент был не намного больше). Таким образом, почин платоновских женщин считался редким явлением, к тому же необычным еще тем, что «там досталось и хулиганам, и матершинникам, чуть ли не впервые были задеты вопросы быта. Например, ребята поместили заметку: «Мы юные пионеры и октябрята, веселые ребята, не будем любить папу, если он будет называть маму – бабой и чертыхаться» (заметка «Не называйте маму – бабой») [14].

Местные СМИ не раз писали про опыт платоновских стенкоров, которые, видимо, считались одними из лучших в губернии. В качестве одного из примеров для подражания рассказывалось о вечере, который провела редколлегия станционной стенгазеты «Нарельсах», форма этого мероприятия была определена как «устная газета». Заметки и фельетоны демонстрировались в виде сценки: начальник ругается на рабкоров за то, что они раскритиковали его за опоздания, семья отмечает какое-то событие, но тихое застолье перерастает в пьяную драку и т. п. [14].

О классовом подходе к стенгазетам

Качество материалов в стенгазетах было намного ниже, чем в заметках рабселькоров, которые публиковались в печатных СМИ, хотя и там встречаются тексты, с явными стилистическими ошибками. Многие партийные и государственные руководители считали, чем проще язык рабселькора, тем доступнее его мысли простым людям, и тем доверчивее они к его критике, поэтому сотрудники редакций старались не проводить полной текстовой правки, сохраняя просторечные выражения. Но в «большой» прессе материалы доводили до удобочитаемого и идеологически правильного уровня. В стенновках такое делать было чаще всего некому. К сожалению, из стенгазет тех лет почти ничего не сохранилось, поэтому о «перлах», которые в них попадались, мы можем судить только по критическим заметкам в губернских газетах. На страницах «Тамбовской рабселькории» была приведена подборка из двух заметок под общим названием «Как не следует вести антирелигиозную пропаганду». Журналисты назвали их «не особенно грамотно написанными частушками», одну из которых создали пионеры Грязинского депо (видимо, дети железнодорожников) и поместили незадолго до Рождества в свою стенгазету «Ильичата».

Как-то вышел поп Василий.
По перрону погулять.
Рядом с ним бабенка Фекла,
– Хоть на конкурс красота,
От любви насквозь промокла
От макушки до хвоста [16].

Скорее всего, такими приемами дети пытались скомпрометировать служителей церкви, но сделали это явно неумело. «Мы полагаем, что лучше совсем не проводить безбожной пропаганды, чем проводить ее путем таких «мокрых» частушек. Конечно, пионеры – ребята, взять с них много не возьмешь. Но вот где старшие-то были?» – сетует автор заметки с остроумным псевдонимом *Не пионер*.

Вторая частушка хоть и грамотней, но наверняка вызовет у современного человека сложные чувства. «Тамбовская рабселькория» сообщает, что «стенгазета тамбовского коллектива «Перодеревообделочника» выпустила к Рождеству приложение «Колово-

рот в небо». Безымянный автор стихов стал атеистом, но фанатический заряд в нем остался, только изменился вектор.

– А теперь пора не та,
С богом я расстался,
Изувечил бы Христа,
Если бы попался».

«Увечить вообще нехорошо, товарищи, за это наказывают», – комментирует такие жутковатые вирши автор заметки, подписавшийся псевдонимом *Транспортный* [16].

Усердие стенкоров в антирелигиозной пропаганде нередко давало обратный результат. Так, в с. Карелях Моршанского района стенгазету «Красный пахарь» переименовали в «Безбожный пахарь». «Новое название отпугнуло крестьян», – признается селькор *Сулла* [10].

Стенкорам было нелегко определить черту, за которую не следовало переступать, и не только в борьбе с церковью, но и в критике «старого быта», а также поведения людей, с которыми они работали или жили по соседству. Так, в Большой Липовице разгорелся скандал, из-за того что в стенгазете была помещена заметка про машинистку вика (волостного исполкома): «Помещение вика Казанская, вкупе с местной поповскою дочкою, широко использовала для любовных походов, устраивая целые «свалки». Глава исполкома встал на защиту женщины, предложил ей написать заявление, к которому приложил свою резолюцию: «Заметку в стенгазету не помещать, чтобы не дискредитировать международного дня женщины». Разбирательство дошло до губернских газет, которые, конечно, поддержали селькоров, в результате вышел фельетончик, который изобилует всякими скабрёзными подробностями, к нему прилагалась соответствующая карикатура [12]. Каково было женщине, личную жизнь которой сначала комментировали стенкоры, а потом в грязном белье начали копаться журналисты. Но такие случаи были в порядке вещей: полуграмотные крестьяне видели грязь даже там, где ее не было, а стенкорами в первую очередь становились именно такие жители села и недавно переехавшие в город рабочие.

Чем больше развивалось рабселькоровское движение, тем строже подходили партийные идеологи к классовому составу ред-

коллегий. В первые после революции годы к выпуску стенгазеты старались привлечь наиболее образованных и талантливых людей, которые умели бы не только писать, но и рисовать, печатать на машинке. Особенно ценился стенкор, умеющий фотографировать. В постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) «О стенных газетах», которое вышло в декабре 1924 г., есть указание: «В редколлегии можно вовлекать наиболее передовых селькоров, а также учителя или агронома и заведующего избой-читальней» [3]. То есть партийное руководство советовало, чтобы в создании сельской стенгазеты участвовала местная интеллигенция. Но вскоре эти установки изменились. Всего через полтора года, в августе 1926 г. в постановлении ЦК ВКП(б) «Очередные задачи партии в области рабселькорского движения» в числе серьезных проблем отмечалось «недостаточное вовлечение в селькоровское движение бедняцких и батрацких элементов; проникновение в селькоровскую среду кулацких антисоветских влияний, значительный процент служащих в рабселькоровском движении» [17, с. 361]. Иными словами, работников образования, культуры и сельских специалистов из редколлегий следовало потеснить, заменив их представителями более революционных классов.

В эту компанию тут же включились и провинциальные СМИ. Выше уже приводился пример батрацкой стенной «Наш голос», первые номера которой «невзрачны были», потому что их выпускали «преимущественно лесные служащие», и как она, по мнению автора, расцвела, когда «из органа лесных служащих превратилась в подлинный голос деревенских пролетариев-батраков и пастухов» [1]. В февральском номере «Тамбовской рабселькории» за 1929 г. селькор *Аскет* возмущался, что бондарскую «Смычку» делают избач и служащий, а еще два члена редколлегии – батрак и женщина в выпуске стенновки участия не принимают. Взяли их туда, скорее всего, против желания для хороших показателей – мол, батраки у нас активные, женщин привлекаем. К тому же эта селькорка являлась какой-то делегаткой, и без того, видимо, дел у нее хватало. Но автор «сигнала» назвал заметку «Боятся батрака и делегатку» – сразу классовый подход виден, некие враги наметились, раз боятся, значит, есть из-за чего.

Еще прямолинейней это выражено в том же номере в заметке «А нет ли еще у нас белых ворон?» Селькор *Ключ* пишет: «В редколлегии «Новая деревня» села Камышевки, Сухотинского сельсовета, П-Марфинского района, секретарем работает из зажиточных, сын лишенца, бывшего жандарма, Щеглов. Товарищи! Следи за классовой чистотой рабселькоровских рядов» [18].

Со временем стали меняться и требования к материалам стенкоров. В первых номерах «Тамбовской рабселькории» в рубрике «О чем сейчас писать» селькорам предлагались темы о выборах в местные советы и всевозможные общественные организации, о различных кампаниях, займах, борьбе с самогонокурением, суевериями и прочими «пережитками прошлого». Нужно было также освещать ход хлебозаготовок, посевную и уборочную кампании. Но к концу 1928 г. в разделах по тематике стенгазет появились такие рекомендации: «Усилить роль батрачества и бедноты для дальнейшего решительного наступления на кулачество и сельскую буржуазию», «тщательно надо следить за действиями наших врагов, кулаков и их приспешников, вскрывать их «подготовку» к выборам, разоблачать их проделки, следить – попали ли в списки лишенные избирательных прав», «отмечайте случаи вылазок кулацких элементов на отчетных собраниях» [10].

Параллельно с этим от стенкоров стали требовать все больше «положительных» заметок, а к критике теперь предлагалось относиться более ответственно. В 1931 г. все эти положения вошли в постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке рабселькорского движения». «Нынешний период развернутого социалистического наступления ставит перед рабселькорами новые, более сложные задачи. Если в первый период развития рабселькорского движения главная задача рабселькоров сводилась к разоблачению и вскрытию «мелких» недостатков механизма, то в нынешний период рабселькоры должны гораздо глубже вникать во все важные вопросы социалистического строительства, всесторонне выявляя недостатки, а также освещая наиболее яркие положительные стороны достижений социалистического строительства на всех его участках, начиная с агрегатов, отделений, цехов, заводов, трестов и т. д. Рабселькоры становятся под руковод-

ством партии организаторами масс для дела социалистического строительства, выполнения производственных планов и развернутого наступления на классовых врагов».

Этим постановлением партии, можно сказать, и закончился период стенгазетной «вольницы». Стенкоры стали учиться вести себя более осмотрительно. Разрисованные ватманы с веселыми карикатурами (в т. ч. и на начальников) уступили место строгим «Ильичевкам». Руководителей коллективов и членов партии теперь уже старались не критиковать. Закручивание идеологических и классовых «гаек» в конце 1920-х гг. стало весьма ощутимым и на таком «нижнем этаже» печати, как стенгазеты.

1. Тамбовская рабселькория. 1928. № 7.
2. Тамбовская рабселькория. 1928. № 1.
3. О стенных газетах: постановление Оргбюро ЦК РКП(б) от 1 декабря 1924 г. // О партийной и советской печати: сборник документов. М., 1954.

4. Первое всесоюзное совещание рабочих корреспондентов / предисл. Н. Бухарина. М., 1924.
5. О рабселькоровском движении: постановление Оргбюро ЦК РКП(б) от 1 июня 1925 г. // О партийной и советской печати. Сборник документов. М., 1954.
6. Тамбовская рабселькория. 1927. № 1.
7. Тамбовская рабселькория. 1927. № 3.
8. Тамбовская рабселькория. 1927. № 4.
9. Тамбовская рабселькория. 1927. № 14.
10. Тамбовская рабселькория. 1928. № 14.
11. Тамбовская рабселькория. 1928. № 3.
12. Тамбовская рабселькория. 1928. № 6.
13. Тамбовская рабселькория. 1928. № 4.
14. Тамбовская рабселькория. 1928. № 5.
15. Тамбовская рабселькория. 1928. № 11.
16. Тамбовская рабселькория. 1928. № 2.
17. Очередные задачи партии в области рабселькоровского движения: постановление ЦК ВКП(б) от 27 августа 1926 г. // О партийной и советской печати: сборник документов. М., 1954.
18. Тамбовская рабселькория. 1928. № 15.

Поступила в редакцию 1.11.2012 г.

UDC 002.704.2

FEATURES OF WALL PRINT IN 1920S. TAMBOV WALL NEWSPAPERS

Anton Grigoryevich VESELOVSKIY, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Journalism and Publishing Department, e-mail: vesant84@mail.ru

The features of wall-painting of 1920s as a kind of an amateur creativity are researched. The content and design of wall newspapers, answers to critical articles, and introduction of progressive forms in the Editorial Board became objects of attention. The forms and methods of party's influence on wall-painting, also in the newspaper "Tambov rabselkoriya", are analyzed.

Key words: party's print management; wall newspapers; wallcors; rabselcors; critical notes; antireligious propaganda; class approach.